Дарья Дезомбре

Небесный Иерусалим, или История одного романа

Часть сборника
Как я изменил свою жизнь к лучшему

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Дарья росла балованным ребенком, защищенным от всех жизненных бурь, пока не приняла решение попытать счастья в чужой стране и не стала парижской «лимитой», вынужденной бороться за свое место под солнцем. А еще несколько лет спустя вновь оказалась без работы и перспектив уже в Брюсселе, где и начала писать. Дарья уверена – любые сложности могут благотворно сказаться на характере и судьбе, если смотреть на них под правильным углом. Именно падения формируют нас, без них никогда не узнаешь, способен ли ты подняться.

- Дарья Дезомбре
  -

Дарья Дезомбре
Небесный Иерусалим, или История одного романа

Не плачь, Маша, я здесь,
Не плачь, солнце взойдет,
Не прячь от Бога глаза —
А то как он найдет нас?
Небесный град Иерусалим
Горит сквозь холод и лед,
И вот он стоит вокруг нас,
И ждет нас, и ждет нас.

Б. Гребенщиков,
«Дубровский».

– Отличная идея! – сказал мне по телефону мой знакомый продюсер М., и я вспыхнула от удовольствия.

Я и сама понимала, что держу в руках (а точнее – пока еще только в мозгах!) редкую, как говорят американцы – «на миллион долларов», идею фильма. И вот М., настоящий профи, подтвердил мои девичьи мечты.

– Не побоюсь этого слова – «полный метр».

Где-то, в заснеженной Москве, М. закурил. Я же бросила взгляд на косо заштрихованный вечным брюссельским дождем городской пейзаж за окном.

Но сердце пело.

«Полным метром» профессионалы называют то, что зрители считают «кином».

То есть – высший пилотаж. Большой бюджет. Звезды на главных ролях.

Широко раскрытая для меня, молодого сценариста, стезя.

Наконец-то!

Сценарии я начала писать пару лет назад, но, несмотря на бодрое начало, дело застопорилось. И немудрено: у меня не было профильного образования. Но это еще полбеды. Хуже всего оказалось то, что я жила далеко от московских, да и российских, реалий, не общалась с «нужными людьми», не знала, какие мелодрамы, комедии, детективы особенно востребованы на российском телевидении в данный конкретный момент. А уж про

тот самый «полный метр» можно было и не мечтать – с моим-то отсутствием опыта…

Но та идея, что осенила меня однажды вечером за чтением скучной статьи по архитектуре, – в ней было зерно, настоящий потенциал для развития истории. И разглядев его, я вся подобралась, как охотничий пес, учуявший след в прелой листве.

Поинтересуйтесь: как часто я читаю тексты о средневековом зодчестве?

И я отвечу вам – никогда.

Но блуждание в полубессознательном состоянии в Интернете… Но творческие пути, которые, как выяснилось, неисповедимы…

– Так, давай конкретно, – сказал мне М. – Сколько тебе нужно времени, чтобы расписать тритмент?

Я очнулась.

Что такое тритмент – подробное, страниц на пятнадцать, описание происходящего в фильме – я уже знала, поэтому бодро ответила:

– Недели за две справлюсь.

На том мы и распрощались.

Следующие две недели я не отрывала седалища от стула. Дождь за окном оказался отличным фоном для полета фантазии: мглистая пелена не позволяла отвлекаться на пейзаж, отрезав дом от всего остального мира.

Не хотелось даже выходить на улицу, хотелось только писать-писать-писать.

Сначала родились главные герои, мальчик и девочка (относительные мальчик и девочка, поскольку между ними, по законам блокбастера, должен был вспыхнуть роман, так ведь?). У обоих появились загадки в прошлом, романтического и криминального склада: загадки придавали характерам глубину, а отношениям между героями – драматизм. Вокруг главных персонажей столпились персонажи второстепенные: родственники, друзья, коллеги.

Наконец, пришел черед убийцы.

Зритель не будет знать, кто он, до победного конца, но мне, автору, следует ввести его как можно раньше.

В идеале, никем не видимый, он должен всегда незримо присутствовать в кадре – в своем параллельном страшном мире, о котором герои поначалу и не подозревают.

Вообще, убийца, признавалась себе я, – самый интересный персонаж для нашего брата сценариста. Черный, как ночь, но не такой плоский и однозначный, как вырезанные из черной бумаги профили: поделки провинциальных художников на пляже где-

нибудь в Анапе. Нет, в нем должна быть глубина, как в падшем ангеле, его сердце когда-то было способно к сильным чувствам, и именно поэтому…

Итак, жертвы падали, как спелые яблоки, на московскую многовековую мостовую, герои-сыщики шли по следу, постепенно назревал катарсис…

Я отослала тритмент и приготовилась к комплиментам.

– Это никуда не годится! – заявил продюсер, прочитав мою первую версию. – У тебя картонные жертвы, а их должно быть жалко! Нужно, чтобы каждая из них стала узнаваемой! Почитай криминальную хронику, найди настоящих потерпевших, спиши с них историю! А героиня? Где легкий эротизм для подрастающего поколения, что придет на поздние сеансы твоей нетленки? А?

Я грустно вздохнула: похоже, комплиментов мне сегодня не дождаться. Эротизму и правда было маловато. Меня можно было понять: я давно и плотно находилась в счастливом браке.

Пришлось клятвенно пообещать эротизму добавить. По жертвам – начитать статей в интернет-изданиях, специализирующихся на уголовщине, чтобы сентиментальный зритель ронял над каждой соленую слезу.

Соленую слезу – да в сладкий попкорн.

Погода за окном начала потихоньку идти на поправку.

Иное дело – мой скорбный труд. Каждый раз после жестких комментариев М. мой тритмент умирал, чтобы затем, подобно Фениксу, вновь восстать из пепла. В нем теперь присутствовал эротизм в виде юной выпускницы юрфака с прозрачными глазами и высокими скулами, жесткий драйв, любовь и кровь, и…

И в один прекрасный день М. объявил мне – аллилуйя! – что документ готов к показу нужным людям. Нужные люди – крупные киноворотилы, имеющие желание и возможность финансировать блокбастеры, – представлялись мне мистерами Твистерами: толстыми мужчинами в костюмах в тонкую полоску, с сигарой в зубах и в шляпе. Но Твистеры, к счастью, уже были вне моей компетенции – тут на сцену вступал мой приятель со своими связями…

Дабы отвлечь жену от мук ожидания, мой супруг соблазнил меня поездкой в Зееланд: местечко на границе с Голландией. Там, остановив машину прямо на насыпи, заходящей полукруглым рукавом далеко в Северное море, и вооружившись объемными полиэтиленовыми пакетами из супермаркета, мы отправились на охоту – пиратский промысел, знакомый всем бельгийцам. В отлив море в Зееланде отступало километра на два, обнажая песок в

мелких камнях, заросших лохмотьями водорослей. В ушах монотонно шумел совсем не легкомысленный здесь зюйд-ост…

Но пара-тройка часов на пронизывающем ветру, промокшие ноги, а руки, красные, как у прачки, в морском иле – и вы счастливый обладатель пяти дюжин «диких» устриц. Муж, известный «устрицеман», вскрывал их перочинным ножом прямо там, на прогулке: блестела на чахоточном северном солнце перламутровая изнанка, жемчужный язычок моллюска одуряюще пах морем. Муж блаженно подносил устрицу к губам и ел, дикарь, на ветру, безо всякого лимонного сока и бокальчика шабли. Потом блаженно прикрывал глаза:

– Свежак.

Ну, еще бы!

Как результат, всю ближайшую неделю я ждала новостей из Москвы, сидя на устричной диете.

Свежие, запеченные, в супе…

Уже без всякого аппетита я поглощала деликатес, уговаривая себя, что «быстро подобные решения не принимаются», «такие люди не сидят и не ждут твоего тритмента», им «есть что почитать, кроме твоих убогих виршей».

– Приветствую, – начал М. Он позвонил, когда все наши устричные запасы истощились. – Прости, что так долго не проявлялся. Я тут нашел одного славного парня – владельца сети супермаркетов. Молодого, горячего. Обожает кино.

Я моргнула. При чем тут супермаркеты?!

– Хочет вложиться в кинопроизводство на уровне пятидесяти миллионов долларов. Спрашивал меня о проектах. Я предложил твою историю.

Я перевела дух. «Молодой горячий парень» не внушал мне особенного доверия, но кто я такая, чтобы выбирать? Пятьдесят миллионов на дороге не валяются. Да что там – они не валяются даже на полу супермаркета.

– Э… Отлично, – вздохнула я. – И что теперь?

– Теперь все пойдет очень быстро! – пообещал мне вдохновленный перспективами, которые открывали для нас сети супермаркетов, М.

И вновь пропал.

Тщетно мерила я квартиру шагами в попытках найти душевное равновесие. Муж, выбирая между моим возможным алкоголизмом и миром в семье, начал ежедневно открывать бутылку вина: бокал бургундского за ужином – и жена почти не огрызалась и меньше ворочалась по ночам

Не выдержав, через пару недель я сама набрала московский

номер.

– Видишь ли, какое дело, – негромко сказал мне, кашлянув, М. – Тут у нас, как ты, наверное, уже знаешь, финансовый кризис…

– Он не только у вас. У нас тоже, – нахмурилась я, полная дурных предчувствий.

– Так вот. Тот парень…

– Молодой и горячий суперпарень?

М. хохотнул, но как-то невесело.

– Суперпарень разлюбил кинематограф? – похолодела я.

– Можно и так сказать, – приятель мялся, не зная, как озвучить новость. – Скорее не любит его так горячо, как прежде. И вместо пятидесяти миллионов предлагает пять. А твое кино…

– С пятью миллионами не снимешь, – закончила я мрачно.

– Ну да. Сама понимаешь, натурные съемки в центре Москвы, все дела… Дорогостоящее мероприятие.

Мы помолчали.

– Значит, все? – спросила я.

– Нет, что ты! – всполошился М. – Подожди! История-то классная! А вот что ты скажешь, если я предложу ее на телек?

– А что телек? – вяло пожала плечами я. – Ты сам говорил: это не телеформат. Жестокие убийства, кровь рекой, все дела…

– Ну, ты же не обязана показывать крупным планом расчлененку, верно? – вдохновился М. – Кое-что может остаться и за кадром. Поверь, по нынешним тухлым временам, телемувик – не худший выход. А я давно хотел забабахать какую-нибудь историю, вроде моей «Федоровой»…

«Федорова», знаменитый сериал М. по еще более знаменитой книге, вышел на экраны уже лет шесть назад. Побив все рейтинги центральных каналов, «Федорова» ввела неувядающую моду на женщин-следовательниц: строгих красавиц с высоким айкью, на каблуках и с пышной пазухой. По мере продвижения расследования красавицы умудрялись еще и совратить пару-тройку холостых миллионеров.

– А я тут как раз придумала красивую фамилию для своей героини, – робко встряла я. – Каравай.

– Каравай? Нет, – жестко отбрил меня М. – Слишком заковыристо, для телика не катит. Давай какую-нибудь простую, распространенную. Ну, не знаю. Кузнецова, пойдет?

Я перевела глаза на весеннюю траву за окном, пожала плечами:

– Пойдет.

– Вот и ладушки, – удовлетворенно вздохнул на другом конце трубки М. – А я на этой неделе схожу к теленачальству –

прощупаю почву. Все. Не кисни!

– Не кисну! – как можно бодрее ответила я.

В конце концов, пусть уже не голливудский блокбастер, но это все еще был выход, лазейка для моей мечты…

Всего пара бутылок бургундского истекли с нашей последней беседы, как М. разбудил меня ранним звонком:

– Пляши, красотка! Я поговорил с главной редакторшей федерального канала. Все прошло неплохо.

– Неплохо, но не хорошо? – из-за невозможности личной встречи и взгляда глаза в глаза я гонялась за подтекстами.

– Неплохо – значит, неплохо, – хохотнул на другом конце трубки М. – Ей, конечно, не понравилось, что меня спустили сверху, но… Тема для сериала перспективная, да и сам сериал востребован. А то у них уже 8-й сезон «Тайн подследственных» идет, срочно нужно что-то новенькое!

– Но ведь это же – ура?! – наученная горьким опытом, решила все-таки уточнить я.

– Ура-то ура. Но есть один момент.

– Валяй, – вздохнула я.

– Героиня у нас – только что из университета. Молодая.

– И красивая, – уточнила я.

– Возможно. Но не вписывается в контекст. Аудитория у канала какая?

Я потерянно молчала, и М. сам ответил на свой вопрос:

– Тетки за сорок. Им не нужна девочка едва со студенческой скамьи.

– А кто им нужен?

– Ну, что ты как маленькая, – ласково заворковал продюсер. – Им нужна тэжэдэ.

– Тэжэ чего? – нахмурилась я.

– Эх ты, молодняк! Не знаешь, что такое ТЖД! – хмыкнул М. – ТЖД – это Тяжелая Женская Доля. Аббревиатура канала, чтобы, так сказать, мгновенно очертить профессионалам задачу. То есть – одинокая женщина средних лет с дитём. А потом у тебя будет серий десять или сто – это уж в зависимости от авторского дарования, чтобы бедняжка могла эту самую неудавшуюся личную жизнь исправить с привлекательным…

– Миллионером.

– Зришь в корень. Живет, она, значит, ради разнообразия, вместе с отцом, – на ходу стал сочинять М. – К примеру, крупным чином МВД…

– Он умер, – глухо сказала я.

– Кто? – испугался М.

– Отец. В нашей версии отец умер. Она мстит за его смерть.

– Ну так оживи его! – разозлился М. – Жалко тебе, что ли?

– Не жалко, – кивнула я обреченно, забыв, что он меня не видит.

– Вот и славно, – поняв, что щекотливый момент позади, М. повеселел. – Могло быть и хуже.

– Да неужели? – сарказма в моем голосе не услышал бы только глухой.

– Да! – отрезал М. – Могли вообще поменять девочку на мальчика. Без всяких трансгендерных операций.

Я молчала.

– Ну, не вешай носа! Все ж отлично! У тебя есть возможность зайти на один из крупнейших федеральных каналов с авторским проектом. Чем плохо?

Я произнесла что-то невнятное – в этот момент с работы вернулся муж и по одному выражению моего лица догадался, что нужно делать. С легким чмоканьем на кухне открылась очередная бутыль. «Женский алкоголизм неизлечим», – наставительно сказала себе я, слушая, как в кухне раздается дорогое сердцу «буль-буль-буль».

Муж подошел с двумя бокалами. Сел у моих ног и поднял вопросительно бровь: «Ну, что там?»

Я покачала головой: не спрашивай. Глотнула живительного нектара и прикрыла глаза: все-таки хорошее бургундское…

– Ты меня слышишь? – вернул меня в московские реалии продюсер.

– Мм-м? Да?

– Я говорю, нельзя им сдавать историю «Небесного Иерусалима». Воруют идеи у нас на раз. И защиты никакой. Так что делать первую четверку серий надо с другой истории.

– Как нельзя? – захлебнулась я нектаром. – Но у нас же все готово, расписано в деталях!

– Да знаю я! – перебил меня М. – Но ведь стырят же идею – и не поперхнутся.

В телефонной трубке установилось молчание – то ли ангел пролетел, то ли М. закурил свежую сигарету.

– Поверь, тебе так будет даже проще: поменяешь своих героев на новом материале. Ну, давай. Вперед. Когда сможешь прислать мне первый вариант?

Следующие пару недель я ходила как во сне, тщетно пытаясь раскачать, свести на нет внутреннее сопротивление. В конце концов, М. прав: ну подумаешь, героиня из 23-летней выпускницы МГУ станет 35-летней теткой в разводе? Волшебный мир голубого экрана видал еще и не такие превращения. Но я, черт возьми, уже

сжилась со своей Машей, чувствовала логику ее поступков и слов, как чувствуют их с близким человеком! Эта москвичка из состоятельной семьи, девочка из физматшколы ничем, казалось, не была со мной схожа – вплоть до цвета волос и глаз, но расставание с ней оказалось болезненным и требовало времени. «Ты ближе по возрасту к 35-летней, у тебя есть дочь, – уговаривала себя я. – Ну, хочешь, сделай, себе на радость, ее гуманитарием из Питера? Адвокатом. Уже проще, верно? Дальше – порезвись с ее первым браком. Пусть это будет не вялый питерский алкоголик с претензией на философствование, а, к примеру… ее подзащитный. Да, это будет подзащитный, которого с героиней – только звать ее теперь будут не Маша, а Анна (имя тоже необходимо было поменять, иначе я окончательно бы запуталась) связывают поначалу чисто профессиональные отношения. Итак, Анна берется за защиту интересного мужчины (назовем его Илья – а пуркуа бы и не па?), обвиняемого в убийстве. Защищать Илью оказывается несложно, ибо прямых улик нет, а косвенные разваливаются на процессе. Плюс – бывшая жена дает показания, благодаря которым у парня есть алиби, и вот наш герой выходит на свободу. Что же делает Илья, едва покинув зал суда? Он возникает на пороге дома своей бывшей адвокатессы. Начинается роман, заканчивающийся, как положено, сценой сдержанной страсти (тут важно не переборщить – федеральный канал, нас смотрят припозднившиеся дети!) и – беременностью. И вот тут-то на героиню и выходит бывшая жена (Люся? Света? Наташа? Выбирайте любое из имен): рыдая, она признается, что все сказанное ею на суде – ложь. А еще через несколько дней бывшую супругу находят мертвой в стылой Неве. Ну и далее в том же духе: Анна выводит мужа-убийцу на чистую воду, ее побег в Москву, начало работы на Петровке…

Я перечитала начало истории и выдохнула.

Не Бог весть что, но в качестве наброска биографии главной героини – сойдет. Теперь, когда вчерашняя студентка превратилась в чистый образец тэжэдэ, пора было вновь подумать о ее личной жизни. Я решила, что ради разнообразия пусть у Анны в Москве случится роман не с миллионером, а с небритым, плохо одетым коллегой (как, впрочем, в свое время и у Маши). Только в варианте с Машей ему было под тридцать, а тут окажется под сорок. В финальном эпизоде произойдет смертельное столкновение бывшего мужа с нынешним поклонником, обеспечив осчастливленным моим сериалом телезрительницам хеппи-энд.

Впрочем, я и сама люблю хеппи-энды, и потому банальность предстоящего финала меня не смущала.

Не смущал меня даже грозящий объем работы: четыре серии следовало довести с нуля до примерно двухсот страниц в диалогах.

Контракта со мной никто не подписал, но ведь М. был своим человеком на телевидении, приятельствующим с самим гендиректором, так что беспокоиться было не о чем, не о чем, не о чем…

Я приступила: список персонажей, сама история, разбитая на четыре части, да так, чтобы по окончании каждой серии вам безумно хотелось бы посмотреть продолжение. Все, как в американских учебниках по сценарному мастерству. Они же, голливудские гуру, и регулярно повторяют неофитам, что создание сценария, это не «написание», а «переписывание».

Что есть истинная правда.

Итак, первый вариант отсылался по мейлу М. Через пару дней я получала ответное письмо с его критикой и рекомендациями. Садилась за работу и перелопачивала весь материал. Отсылала улучшенный вариант обратно. А еще через два дня мне приходили новые комментарии и пожелания…

Так происходило раз пять. Потом М. нес эпизод «на канал» и там несчастная серия препарировалась вновь – что твоя лягушка студентом-садистом, где каждый из редакторов желал вставить свои пять копеек. Отважный М. ругался с ними по каждой из правок, но искусство ведения военных действий, как известно, подразумевает иногда уступать в отдельном сражении, дабы выиграть войну. Кроме того, требования канала для сценариста – это нечто вроде Моисеевых скрижалей для правоверных: обсуждению не подлежат.

Прошло лето, наступила осень.

Работа – медленно, буксуя, – но двигалась вперед.

Иногда я заставляла себя выйти из дома, чтобы пойти поглазеть на витрины антикваров в центре. Саблон, раскинувшийся вокруг готической церковки район старьевщиков, славился среди знающих людей на всю Европу. Большинство из выставленных на продажу вещичек были мне не по карману, но никто не мешал зайти в лавку, пропахшую пылью веков, а часто – еще и табаком, и собачьей шерстью, и прицениться. К примеру, к огромным расписным сундукам из Бретани XVIII века, предназначенным для приданого, или к покрытому зеленоватой патиной бронзовому Будде, привезенному Бог весть когда из бывших ост-индских колоний, или к барочной серебряной сахарнице…

Особенно же я радовалась, когда обнаруживала среди

антикварных сокровищ старую плитку с кобальтовым рисунком. Изразцы. Они стоили недорого: поторговавшись, можно было унести с собой обернутый в пожелтевшую газету кусочек из XVI или XVII веков. Казалось невозможным представить, что мой родной город еще не существовал даже в воображении Петра Алексеевича, а вот эта сценка из жизни детей или пастухов уже украшала чей-то камин в Низких Землях!

Выкрасив стены в ванной комнате в синий цвет, я постепенно вывешивала на них свои приобретения. Теперь, чтобы успокоить нервы и попытаться заснуть после очередного мейла, полного критики от редакторов канала, я ложилась в пенную ванну и часами рассматривала детали костюма бравого солдата, морской пейзаж с парусниками и мельницы, окруженные стадами овец…

Впрочем, было бы нечестным не упомянуть, что, окромя критики, редакция рассылала своим авторам еще и прекрасные в своей маркетинговой невинности «памятки для сценариста». К несчастью, я не сохранила сих блистательных документов в своем ноутбуке, но кое-что помню. Например, по результату «круглых столов» с привлечением активных телезрительниц выяснилось, что в сериалах надо обязательно показывать «красивую жизнь»: виллы, яхты, личные самолеты, нужное подчеркнуть. Зиму (зиму!) русскому человеку демонстрировать, напротив, не стоит – «наш зритель не любит зиму». Поэтому действо сериала сдвигалось на лето, а Илья постепенно превратился из парня со средним доходом в миллионера (очевидно, вовсе этой категории было никак не избежать). Приз же моих симпатий получил абзац, призывающий выделять в тексте сценария «красные флажки». «Красным флажком» могла стать любая роковая для мелодраматического или детективного поворота реплика. К примеру: «Хочу – не могу!», «Да не тебя люблю, а соседку!» или «А убийца-то – муж!». Позднее эту часть диалога актеры на съемках должны были выделить громким драматическим гласом. Зачем? – спросите вы, а я – после прочтения маркетинговых наставлений – поясню.

К примеру, вяжете вы трико, иль готовите борщ, иль гладите белье, а на экране происходит фоном нечто муторное. И тут, чтобы привлечь ваше внимание, актер или актриса истерично выкрикивает ударную фразу. Эффект достигнут: вы встрепенулись и некоторое время следите за происходящим на экране… Однако вскоре вновь вернетесь к свекольной зажарке.

Вернетесь-то вы вернетесь, но будете уже в теме.

Итак, дело продвигалось.

Золотая осень сменилась октябрьскими дождями. Наступил

ноябрь, потом – декабрь. Где-то там, во вновь скованной льдами Москве, М. понес на канал уже третью по счету, финальную версию последней серии.

Я купила около супермаркета на углу маленькую, но волшебно-вкусно пахнущую смолой елочку. Вместе с дочкой мы заглянули на только что открывшийся рождественский базар. Дочка выпросила у меня традиционную брюссельскую вафлю, политую шоколадом. Я же сосредоточилась на елочных игрушках. Настроение было приподнятым: весь год я работала, не покладая, а точнее, не отрывая рук от клавиатуры, и вот – уж виден свет в конце туннеля, результат трудов!

Как хорошо, что он приходится на Рождество, пусть бесснежное здесь, в Европах (я-то, в отличие от фокус-группы, зиму люблю!), но все равно – сказочное.

Я расслабилась и решила накупить разноцветных шаров: дешевых красных и более изысканных цветов – темно-синих, бирюзовых, оранжевых. А еще – серебристой мишуры. И гуся – огромного, которого я поставила себе целью запечь, как и положено: с местными фермерскими яблоками, не обработанными химикатами.

Дела были закончены, остались одни удовольствия: удовольствие от готовки, радость от счастливого лица двухлетней дочки, впервые вместе со мной украшающей елку…

Гусь едва успел отправиться в духовку, как я услышала ключ, повернувшийся в замке. Муж переступил порог и замер.

– Ты рано, – я вышла в прихожую, поцеловала его ледяную – он передвигался по городу на скутере – щеку. – Гляди, какая красота!

Он обвел взглядом преображенную гостиную: не успокоившись на елке, мы украсили свежеприобретенными шарами каминную полку, люстру, углы картин. Блистающий «дождик» обвивал любимую супругом африканскую скульптуру темного дерева и сдобных барочных ангелов, парящих над камином.

Муж кивнул и криво улыбнулся.

– Что случилось? – нахмурилась я.

– Меня сократили, – сказал он, глядя в сторону, на довольных наряженных ангелов. – Уже давно поговаривали о новой волне увольнений, и вот…

Муж, наконец, перевел глаза на меня.

И глаза эти были чертовски виноватыми.

Экономический коллапс – тот самый, что не позволил в начале года снять мой блокбастер, ударил по Европе еще сильнее, чем по России. Россиян спасала цена на нефть. В Европах же

бушевал сильнейший со времен Великой Депрессии финансовый кризис. По банкам шли, одна за другой, волны увольнений. Рынок труда, как московское метро в час пик, был уже под завязку полон безработными банковскими служащими с высокой квалификацией.

И вот, перед Рождеством вздыбился последний, для нашей семьи – роковой, девятый вал.

Я молча обняла мужа.

– Ничего, – сказала я то, что женщины столетиями говорили своим мужьям с виноватыми глазами. – Как-нибудь. Прорвемся.

За ужином настроение наше чуть улучшилось – гусь вышел отменный, спору нет. Надо бы чаще его покупать, подумала было я – и сама же себя одернула: шиш тебе, а не гусь! Курица – вот теперь твоя птица. По крайней мере до тех пор, пока муж не найдет работу.

– Знаешь, – сказала я, обгладывая гусиную шейку, – все не так плохо. Сейчас примут эти четыре серии, и хоть что-то мне да заплатят? На первое время хватит, а потом я напишу еще четыре…

М. позвонил в десять вечера.

За своими недавними переживаниями я уже и не ждала звонка.

– Привет! – голос М. звучал глухо.

«Наверное, какие-то проблемы со связью», – подумала я.

– Извини, что так поздно…

– Ничего, – я нервно хихикнула. – У нас тут выдался веселый вечер. Потом расскажу. Как все прошло?

– Не особо… – он запнулся.

– Что, еще какие-то дополнения?

Сколько ж можно?!

М. громко выдохнул в трубку.

– Они не берут проект.

– В смысле? – я замерла, глядя на мужа, уютно устроившегося перед камином с книжкой. Похоже, за ужином я сумела если не поднять ему настроение, то, по крайней мере, перевести из состояния тихой истерики в состояние меланхолической задумчивости.

– Сказали, это слишком заумно для нашего зрителя. Что им скучно будет смотреть. Нужны герои попроще. И преступления не в сфере искусства, а такие… Бытовые.

– Подожди, – я сглотнула и медленно опустилась в кресло.

Муж поднял глаза от книжки да так и замер, на меня глядючи.

– Что значит – «попроще»? И какое «заумно»? Они же все знали уже на уровне презентации – о чем будет речь? Зачем было заставлять нас прописывать четыре серии? Да еще и столько раз переделывать?!

М. молчал.

Мне стало просто физически нехорошо. Тошнота поднялась к горлу.

Бессмысленность всего мероприятия, бесконечные часы, дни, недели, месяцы, проведенные перед экраном…

Испорченный отпуск, идиотские комментарии, к которым нужно было прислушиваться, чтобы вновь садиться за компьютер и переписывать, переписывать, переписывать.

– Это я виноват, – наконец сказал М. – Меня внедрили сверху, обязали главреда со мной общаться. Отказаться сразу она не могла – неудобно перед начальством. Поэтому решила поступить мудрее: притвориться, что слушается старших. А потом все равно сделать по-своему. Только теперь к ней не придраться: сказали разработать проект с М.? Разработала. А что не вышло – так это проблема М. и его сценариста.

– Ясно, – выдохнула я. – Пока.

И не дожидаясь ответа, повесила трубку.

– Что случилось? – обеспокоенно смотрел на меня муж.

– Проекта не будет, – сухо сказала я и вышла из гостиной в спасительную темноту коридора.

Тихо толкнула дверь дочкиной комнаты. Закинув руки кверху, та спала, тихонько похрапывая и выставив нежную пятку из-под одеяла. Я не выдержала, взяла ее на руки, крепко прижала к себе.

Она не проснулась.

Прошло шесть лет, а я до сих пор помню в деталях свои ощущения: гнев, обиду на судьбу, опустошенность.

У меня ничего не получилось. Снова.

Сколько бы я ни старалась, как бы ни работала – результатом оказывался лишь вновь разбитый в напрасных усилиях лоб. Наверное, все это время я шла не туда. Менее упрямый и более умный человек уже давно б сошел с пути, нашел другую тропу.

Я вспоминала, как легко и бодро, что твоя Золушка, скакала когда-то по хрустальным ступенькам карьерной лестницы в Париже. Той лестницы, которая ведет не вниз, а только вверх и вверх!

Все это было, но закончилось.

И почему я решила, что теперь, сидя в Брюсселе, лучшее, что я могу сделать, – это писать сценарии? Откуда взялась во мне эта смешная самонадеянность?

«Сколько же нужно тому парню, сверху, объяснять тебе, что следует заняться чем-то другим? – спрашивала себя я и не находила ответа. – Тебе уже не восемнадцать лет, чтобы стоять вот так, перед разбитым корытом, не зная, что делать со своей жизнью…»

Я застыла в полутьме детской, прижимая к себе свою дочь, и несмотря на горький комок, застрявший в горле, чувствовала, как вместе с ее ровным, мирным дыханием, теплом и тяжестью маленького тела постепенно расслабляются мускулы и я сама начинаю дышать ровнее и больше не сжимаю до боли челюстей.

«Как-нибудь, – повторила я себе то, что только недавно говорила мужу. – Прорвемся. Не такая уж это трагедия в жизни, да и не трагедия вовсе. Черт с ним, с каналом, с его изысканными в макиавеллистических потугах и примитивными в маркетинге редакторами, уверенными, будто лучше всех знают, что нужно российскому зрителю. Не обижайся на судьбу. Это уж совсем бессмысленное занятие. Дыши. Дыши».

Здесь я позволю себе сделать небольшое лирическое отступление.

Лилиана Лунгина, блестящий переводчик, прекраснодушный и мудрый человек, в гениальном, с моей точки зрения, фильме-монологе «Подстрочник» говорит:

– Нужно надеяться и верить, что даже очень плохие ситуации могут неожиданно обернуться совсем другой стороной, хорошим. Я покажу, как в моей жизни многие беды потом оборачивались невероятным счастьем, богатством, удивительными поворотами… Верить, надеяться, и постепенно многое может оказаться с другим знаком.

С другим знаком.

Шли, уж простите за банальность, годы.

Моя девочка выросла из двухлетнего херувима в нахальнейшую девицу пяти лет. Теперь ее вряд ли можно было подхватить так легко на руки, прижав к себе в глубокой печали.

Но, к счастью, глубокие печали обходили меня стороной.

С М. мы старались с тех пор не касаться болезненной темы с неудавшимся проектом. Он ушел «на вольные хлеба», основав собственную компанию. Я же потихоньку влилась в профессиональную армию сценаристов, пописывая уже на почти регулярной основе то один, то другой сценарий. Некоторые, пройдя через мясницкие ножи редакторов, кое-как добрались до экранов, другие испустили дух еще на этапе разработки. Да и

ладно: ведь деньги, пусть небольшие, я зарабатывала, а желание славы никогда не бродило во мне по весне березовым соком.

Как-то ранней осенью М., сделав кругаля, заехал из Парижа к нам в Брюссель.

Стоял сентябрь – не самый плохой в плане погоды месяц в нашем городке. Сидя на террасе уличного кафе, мы щурились под нежарким фламандским солнцем. Он пил бельгийское пиво – за тем, собственно, и приехал. Я – кофе. Пива не пью, только зря копчу воздух в пивной столице. С нашего столика открывался недурной вид на пешеходов и кусочек готической церкви в Саблоне.

– Кстати, – полез в свой модный саквояж М. – У меня для тебя сувенир.

Он положил на стол книжку средней толщины.

На обложке один мужчина брутального вида бежал за другим. У брутала номер один в руках был пистолет. Выражение лица позволяло заподозрить худшее. «Суперкиллер» – гласило название.

– Э… – я подняла на М. взгляд, к счастью, скрытый за темными очками.

М. усмехнулся, пригубив пиво:

– Почитаешь на досуге. Разрешаю тебе осилить первые десять страниц. Больше для наших целей и не требуется.

– А какая у нас цель? – осторожно поинтересовалась я.

– Эта книжонка напечатана вслед фильму, – постучал М. ногтем о глянцевую обложку. – Фильм пользовался популярностью, и сценаристы понадеялись, кхм, срубить еще чуток бабла…

Я продолжила вопросительно глядеть на М. – цель подарка все так же от меня ускользала.

– Да помню я, помню, что ты не пишешь боевиков, – хохотнул М. – Но ты могла бы написать «Небесный Иерусалим».

Я вздрогнула.

Только не это.

Снова.

– А что? – поднял М. пивную кружку. – Сюжет у тебя уже есть. Герои тоже. Замысел был отличный. Напишешь книжку – застолбишь идею. А потом – чем черт не шутит?..

– Я не умею романы…

– Да ведь я тебя и не прошу накатать «Войну и мир»! – внимательно поглядел на меня М. – Почитай, как пишут эти перцы. **Так —** ты точно сможешь. Возьмешь за основу наработанный материал и – вперед.

– Я подумаю, – улыбнулась я, скосив глаза на двух мачо на обложке.

«Я подумаю», – так всегда говорит моя мать, когда не хочет отказывать сразу.

– Вот и ладушки, – чокнулся с моей чашкой кофе М., неправильно истолковав мой вежливый жест.

Книжку я взялась читать в тот же вечер.

Любопытство оказалось слишком сильным. Есть категории – не литературы даже, ведь это нельзя назвать литературой, а, скажем так, беллетристики – всегда обходившие меня стороной. Вот такие книжки – с мускулистыми мужчинами на обложке и отвратительным качеством печати внутри – никогда не то что мной не открывались, а просто даже не лежали рядом. Заглянуть под эту обложку было – как заглянуть через замочную скважину в чужие, такие отличные от моих, мозги.

Стыдновато, но занятно.

Десять страниц, сказал М.? Меня хватило на пять.

Выключив бра над кроватью, я задумалась, глядя в потолок, по которому скользили неясные тени.

Расчет М. стал мне ясен. Написать хуже, чем неизвестные мне перцы, казалось малореальным. От этой точки ниже уровня моря можно было двигаться только к звездам. Устранив связку, имеющуюся в мозгу каждого мало-мальски культурного человека – «литература равно Толстой и Достоевский», М. избавил меня от комплексов. Ничего еще толком не написав, я была уже лучше авторов лежащей на прикроватной тумбочке книжки.

Еще несколько дней я вела с собой раздражающие меня саму диалоги:

– Попробуй! – шептал один голос. – Шедевр ты вряд ли создашь, но идея навсегда останется твоей!

– Не ввязывайся в эту гнилую историю, – отвечал первому голосу второй. – Ты потратила уже прорву времени, и что в результате? Пшик!

– Вот именно, что пшик! А если ты, наконец, напишешь книжку, то, по крайней мере, из этого выйдет толк!

– Да ты хоть представляешь, сколько это надо писать?! – взвыл голос, который я назвала «голосом разума».

А и правда: сколько?

Я залезла в Интернет, и выяснила – писать надо очень много.

Информация существовала в загадочных авторских листах, но путем несложных расчетов я пришла к выводу, что наваять придется двести убористых страниц.

Прошла еще пара недель и у меня выдалась пауза в сценарных делах. Со скептической улыбкой я открыла на рабочем столе папку под заголовком «Небесный Иерусалим», к которой не притрагивалась уже несколько лет. Ощущения оказались малоприятными: все было тут – многочисленные варианты развития сюжета, таблицы с убийствами и святыми местами, сборные документы по персонажам, отдельно – по теме маньяков, расследованиям ФБР и средневековой архитектуре. Бесконечные переработанные черновики. Сложнейшие разветвления, чтобы не запутаться в собранном материале. Каждый из документов стоил мне в свое время многих часов труда. И теперь они лежали передо мной, мертвые, никому не нужные. Мое личное «кладбище домашних животных». Я почувствовала горький привкус желчи во рту – остаток той, старой обиды на судьбу.

И закрыла папку.

«Нет работы, пойди, погуляй!» – сказала себе я, и, вооружившись зонтиком, отправилась на местный рынок.

Открытый лишь один день в неделю, он наполнял гастрономическим великолепием, разнообразием запахов и оттенков маленькую площадь неподалеку от дома. Каждую среду мы ходили туда за наисвежайшей пахнущей озоном голландской селедкой, которую продавал с мини-вагончика дюжий, заросший светло-рыжей щетиной фламандец.

И далее – по кругу.

У марокканцев я брала фрукты и овощи. У поглядывавшего на своих клиенток кокетливым, иссиня-карим глазом французского фермера с орлиным шнобелем – сыры: бри и сен-фелисьен. У «итальяшек» – свежую пасту с трюфелями и кусок пармезана. И цветы – охапки тюльпанов нежнейших пастельных цветов…

Где-то меж шумной многоязычной толпой – клиентами, принимавшими там же, под мелким дождем (на такой и внимания-то уже не обращаешь в этом чертовом климате), бокальчик дешевого белого винца со своей селедкой; меж вопящими детьми, требующими своей еженедельной дани – свежеиспеченной вафли, политой шоколадным соусом; и тайцами, торгующими резко пахнущими имбирем и кориандром блюдами на вынос, я увидела надпись: Жерусалем.

Иерусалим.

И вздрогнула.

Протолкавшись к лавке, неверящими глазами уставилась на выставленные фрукты.

– «Жерусалем» – груши, израильские, – объяснила мне

дородная белобрысая продавщица. – Сладкие, сочные, берите!

– Я вас здесь раньше не видела, – настороженно улыбнулась я.

– О! Я тут только на этой неделе, подменяю подружку, она продает биодобавки. Лоранс, может, знаете?

– Не знаю, – покачала я головой.

Только на этой неделе. Со своими грушами. Жерусалем.

Совпадение? Или знак?

– Я попробую, – сказала я мужу за ужином. – У меня сейчас есть зазор, пока редактор вычитывает очередную версию сценария. Где-то неделька. Составлю план по главам…

– Давай, – кивнул муж. – Хорошая идея.

– Хорошая ли – большой вопрос. Но добро пропадает – это факт, – усмехнулась я. – Я ведь и забыла, сколько у меня там материала. Бог даст, хватит на их загадочные «авторские листы».

На следующее утро я вновь села перед компьютером, открыв новый документ и озаглавив его по-простому: «Роман».

В конце концов, никаких других романов у меня не было и не предвиделось. С содроганием я открыла свой последний тритмент. Он начинался с пробуждения Марии Каравай. Еще той Марии: юной выпускницы университета, без бывших мужей с криминальным прошлым и детей…

Я читала написанные три года назад строчки и улыбалась: как же я могла забросить свою Машу? И Андрея? И Раневскую? Особенно Раневскую! После долгой паузы это было подобно встрече с близкими друзьями. Моими «воображаемыми друзьями» – как у тех одиноких детей, что придумывают себе умных и красивых приятелей. Только я была взрослой, семейной женщиной, окруженной по-европейски четко выверенным бытом.

Но что это меняло?

Мне нравилось создавать город, схожий и несхожий с Москвой, которую я знала: мистический, таинственный, страшный и одновременно – пошлый, гламурный, поверхностный. Город, в котором никто на самом деле не живет, а все выживают. Яркие витрины бутиков, огни ресторанов и проносящиеся мимо автомобили класса люкс… Небоскребы, переливающиеся огни, тамтамы поп-музыки из дверей и окон машин. Ненастоящие люди, новые московские буржуа: с ненастоящими имплантированными зубами, волосами, грудями. И с такими же ненастоящими отношениями. И другие – приезжие: отчаянно им завидующие. Эти передвигаются под землей, проводя часы в царстве подземного Мордора, перевозящего десятки миллионов рабочих муравьев в день.

А параллельно этому миру гламура и кошмара живет совсем другой город: еще выглядывают из-за новостроек маковки старинных церквей, кусок стены Белой Крепости прячется в переходе метрополитена, и подмываются Москвой-рекой остатки опор древнего моста. Еще сохранились с прошлых веков названия, еще звучит музыка слов Варварка, Ильинка, Сретенка, перекрываемая гулом автомобильных пробок, хохотом подвыпившей публики многочисленных шикарных едален, шумом жующих челюстей.

Который из миров – настоящий?

Я гонялась за тем, волшебным, постепенно растворяющимся в городском смоге. Мой маньяк – за ним же….

Я увлеклась процессом. Даже себе было стыдно признаться – до какой степени.

Романописание оказалось одновременно схожим и очень далеким от сценаристики. От сценариста требовалась точность композиции, лаконичность изложения, каждая строчка диалога – выверена, отточена, чтобы не «грузить» динамику повествования. Минимум описаний. Никаких размышлений и внутренних монологов героев.

Иное дело – роман.

Я сознательно не составила плана по главам, мне нравилось перепрыгивать из Машиной головы в голову Андрея. Нравилось смотреть на мир то ее, то его глазами. Легкая креативная шизофрения, согласна.

Но что поделаешь? Так что с внутренними монологами проблемы не возникало. Но описания…

Вот где сценаристика поставила мне роковую подножку. Роману не обойтись без описаний, пусть даже не таких пространных, как у Пруста с Тургеневым. Но все же, все же…

Как Чехов выдавливал из себя раба, так я день за днем выдавливала из себя сценариста. Выдавливала по праздникам и выходным, запершись с ноутбуком в душной комнате, пока мои домашние радовались жизни. В каникулы, когда муж с дочерью катались на лыжах, а я делала вид, что подвернула ногу, и очень натурально скакала до съемной квартирки в горах, где опять же садилась перед голубым экраном. И даже в официально отданные на откуп сценаристике трудовые будни умудрялась, воровато оглянувшись на дверь – и от кого ты прячешься, дурочка? – писать о Маше, Андрее и моем личном ненаглядном маньяке.

Десять страниц, двадцать, пятьдесят, сто…

Я боялась их перечесть, из суеверия не делила текст ни на параграфы, ни на диалоги – одна сплошная простыня, чтобы не знать, сколько еще страшных «авторских листов» осталось

впереди. Особенно меня радовали «лирические отступления» в которых я рассказывала истории своих жертв. Освобожденный от гнета движения сюжета, текст явно становился живее, простегивался, как байковое одеяло, нитью собственного опыта…

Сто пятьдесят.

Я уставилась на цифру внизу экрана справа.

Я уже почти довела героев до победного конца, и – не выдержала.

Стояло лето.

Я откинулась на спинку плетеного стула в тени южной акации. Совсем рядом, за янтарной стеной южных сосен, шумело море, трещали цикады, с тихим вздохом с темно-зеленого куста гибискуса падали белые и красные цветы. Логично было бы предположить, что красота окружающего пейзажа поможет смягчить неказистость моего текста. Ведь одно дело – перечитывать результаты своих трудов, сидя под нескончаемым дождем в Брюсселе, и совсем другое – тут, в деревне близ Ниццы. В первом случае депрессия почти гарантирована. Во втором – можно, на крайняк, красиво сброситься со скалы в пенистые воды Средиземноморья.

И я принялась за чтение.

Первые страницы были написаны уже столь давно, что я почти забыла их содержание и читала так, будто видела впервые. Постепенно страх, что получился «ужас-ужас-ужас», начал отступать. Ну, ужас, конечно – еще работать и работать. Но явно лучше глянцевого «Суперкиллера».

А вот достаточно ли это хорошо, чтобы издать?..

Меня терзали смутные сомнения.

Еще одна насущная проблема заключалась в том, что в доме, забитом под завязку чертовой кучей родственников, никто – ни родня с мужниной стороны, ни сам супруг-француз, ни моя дочь, едва научившаяся слагать из букв слоги, – не могли оценить моего шедевра. Нужно было дать почитать роман кому-то непредвзятому, кто мало меня знает и не побоится обидеть…

И я обратилась с просьбой к одной из своих ближайших подруг. Отказать несчастная постеснялась: она приехала ко мне на недельку погостить, и как ей было обидеть хозяйку? А хозяйка, отдав распечатанные сто пятьдесят страниц, стала исподволь ястребиным оком следить, как подруга читает.

Целый день я косилась в ее сторону: что она делает? Смотрит медитативно на горизонт? Купается в бассейне? Помогает мне готовить ужин? Мне хотелось взять ее, как прогульщицу, за плечо и отвести в комнату. И чтоб не выходила, пока не осилит мое

гениальное творение!

Но шли дни, и я видела, что дело продвигается медленно. Слишком медленно для книги детективного жанра.

«Унылая дрянь – вот что ты написала, – говорила я себе, кроша, на радость французским родичам, ингредиенты в холодный свекольник – мою обязательную кулинарную программу в летние каникулы. – Можешь радостно выкинуть все к чертям собачьим, и не вздумай, умоляю, допытываться у нее, как ей понравилось!»

– Ну, как тебе? – спросила я как можно небрежней, когда лежащая рядом в шезлонге подруга отложила мои уже изрядно помятые листы на траву рядом и стала наблюдать за орущей кучей малой детей, сражавшихся за резинового крокодила в бассейне.

– А? – испугалась она. – Отлично! Знаешь, я редко читаю детективы, и…

– Да-да, конечно…

Господи, зачем я только задала этот сакраментальный вопрос?

– Нет, ты не подумай, ты хорошо пишешь, просто я…

– Давай сменим тему? – умоляюще протянула я. – Хочешь, пойдем завтра гулять на холмы? Полюбуемся на море с высоты птичьего полета…

– Отлично, – с облегчением выдохнула подруга. – Только выйдем пораньше, еще до жары, да?

Больше мы этого вопроса ни разу не касались.

Прошло лето.

Наступила осень.

Листы моей рукописи были сложены в папку, папка – заброшена высоко на полку. Серая тоскливая пыль оседала на ней месяц за месяцем. Моя литературная карьера, так и не успев начаться, впала в анабиоз.

Как мне тогда казалось – окончательный.

– Она – моя подруга! – кричала я расстроенному супругу. – Человек пристрастный, хорошо ко мне относящийся! Если уж она не смогла осилить множество моих букв, что уж тут говорить о гипотетических читателях?!

– А я уверен, ты написала отличный… – упрямился муж, доводя меня до белого каления.

– Хватит! – орала я. – Всему есть предел! Ты не способен оценить ничего из мною написанного! И слава богу! Можешь не расставаться с иллюзией, что твоя жена – гениальная романистка. Но я – я! – больше и слышать не хочу об «Иерусалиме»!

Хлопала дверь комнаты, я в ярости бросалась на постель – ну что за настырный идиот!

– Слушай, только не наезжай на меня сразу, – осторожно сказала мне уже следующим летом другая моя подруга.

Мы сидели на террасе летнего кафе в Питере.

Медленно, на легких полутонах, теплый прозрачный вечер переходил в молочную белую ночь.

Был один из тех редких, ценнейших для нашей дружбы дней, когда она, давно окопавшаяся в своем европейском углу, и я, застрявшая в моем брюссельском захолустье, пересеклись в городе нашего детства. И будто приехавшие из голодного края, накинулись на любимую грузинскую кухню. Перескакивая, как птицы с ветки на ветку, с одной темы беседы на другую, весело потягивали грузинское сухое домашнее. Домашнее, самое дешевое, будто и не пестовали, не воспитывали нас годами французские мужья, натаскивая на изысканные вина из тамошних, французских же, погребов. Мы болтали, а сами не отрывали любующихся глаз с изгиба Мойки: гармония нанизанных на гранит набережной дворцов, была как музыкальная фраза – гениальная, моцартовская.

– Мм-м? – рот мой был занят хачапури.

Мы по возможности совмещали очарование для глаз и радости живота.

– Твой муж послал мне твой роман, с пометкой «совершенно секретно».

– Чего? – я поперхнулась. – Да как он!..

– Вот об этом я тебя и попросила: не кипятись. В общем, я прочла. Еще неделю назад. Запоем.

– Ну, еще бы! – криво усмехнулась я. – Ты ж мне, как-никак, «верный школьный подруг»!

– Еще скажи – «фронтовой»! – хихикнула она. – Но попробуй все-таки меня выслушать. «Платон мне друг, но истина дороже». Это все сырое, конечно, однако вполне на уровне.

– На уровне чего? – уставилась я на отражения особняков в речной водице. Мимо, мигая слишком яркими для этого вечера огнями, проплыл туристический кораблик.

– На уровне прочих детективов, которые я читаю, – поддела вилкой острый баклажан подруга. – А я их читаю много. Ты же едешь работать в Белокаменную? Вот и воспользуйся случаем: покажи, что наваяла, нужным людям.

– Вот такое, сырое? – посмотрела я на нее с испугом.

– Да, – отрезала она. – Потому что если ты начнешь его еще жарить-парить-переписывать, то не закончишь ни-ког-да.

И я была склонна с ней согласиться.

С августа месяца начинались съемки моего сериала в Москве. Крупная американская компания пригласила сценариста на съемочную площадку – контролировать процесс. Процесс у меня получалось контролировать, прямо скажем, не ахти. Ну так и телеиндустрия у нас весьма отличается от штатовской. Зато я с огромным удовольствием встретилась со всеми своими московскими знакомцами – ведь в столицу я наезжала еще реже, чем в Питер.

Не обошлось и без дружеских посиделок с М.

– Роман-то накатала? – спросил он, откладывая меню и показывая знаками официанту, что пора бы нас и обслужить. – Или сдулась?

– Почти сдулась, – призналась я. – Но перед этим кое-что все-таки накатала. Помнишь, ты обещал меня свести со знакомым литагентом?

– А… – он кивнул, небрежно вынул из внутреннего кармана пиджака мобильник.

– Машенька, – ласково обратился он к королеве российского детектива, – ты не могла бы мне дать телефончик…

Я замерла: на другом конце трубки была Королева!

«Куда ты лезешь?! – успела я подумать за те пару минут, пока М. с Королевой обменивались новостями. – Где ты и твои бездарные литературные потуги, а где – настоящий детектив?!»

– Вот, – протянул он мне написанный на бумажной салфетке номер мобильника. – Это ее агент и хороший друг Н. Скажешь, что от меня.

– Э… Спасибо, – только и могла ответить я.

Еще неделю я собиралась с духом.

И наконец набрала заветный номер.

Ответивший мужской голос был сдержан и сух. Да, его предупредили о моем звонке. Да, присылайте файл на электронную почту.

И он продиктовал адрес.

Я послала документ с кратким деловым письмом. В письме я просила прощения за «сырую» рукопись. Чтобы довести ее до ума, писала я, мне нужно понять осмысленность всего мероприятия.

И, выдохнув, вернулась на съемочную площадку: волшебное место всеобщего сумасшествия, где четырнадцатичасовой рабочий день не оставляет ни минуты на мрачные раздумья по поводу собственной бездарности.

Однако через некоторое время мне пришел ответ от Н.

с прилагаемой к письму рецензией от издательства: по мнению рецензентов, в рукописи, несмотря на необходимые доработки, был потенциал.

В конце мейла порадовала приписка с вопросом: а сколько, собственно, романов в год может писать данный автор?

Мне пришлось признаться Н. – данный автор романы писать не собирается. Он вполне счастлив написанием сценариев. Будущая книжка – лишь возможность застолбить идею, которую я рассчитываю развить в совсем ином формате: телевизионном, а если повезет – и кинематографическом. Н. ответил весьма холодно: понимая мои цели, он все-таки рекомендует мне встретиться, пока я в Москве, с представителями издательства.

Против этого сложно было возразить, и вот – в назначенный час я стояла перед большим серым зданием на окраине Первопрестольной.

Такси уехало, оставив меня под проливным дождем.

Я вбежала внутрь, и тут же получила смс от Н.: он плохо себя чувствует, прийти на встречу никак не сможет. Ниже следовали фамилии двух человек из отдела «мужской остросюжетной прозы», к которым мне следовало обратиться.

Почему «мужской», спросите вы? А потому, что Королева уже многие годы печаталась именно в этом отделе, и Н. было проще заслать рукопись неизвестного автора именно туда.

Я обреченно вздохнула: деваться было некуда. Пройденный путь был слишком долог. Ожидающие меня специалисты по остросюжетной прозе этого не знали, но я была готова к любому развитию сюжета. Только бы поставить уже точку в этой истории.

Едва вырвавшись из-под света софитов в огромных ангарах киностудии, где сотни людей бегали, орали, пили водку и поглощали «кинокорм» (так называется в профессии походная кухня, привозимая на съемку), я смотрела по сторонам с легкой опаской.

Здесь, в стенах издательства, царила торжественная тишина. Ходили взад-вперед люди с интеллигентными физиономиями.

А я все равно не могла избавиться от ощущения того же огромного муравейника. Просто то, что в «кино» вырывалось наружу, бурлило, плевалось кипятком и ругалось залихватским матом, здесь было спрятано от досужих взглядов. Однако меха раздувались, поршни ходили, станки ни секунды не простаивали. Потаенная работа превращения текстов – в книжки свершалась весьма сосредоточенными людьми с ясными лицами, похоже, вовсе не обезображенными алкоголем.

Двоих из них я встретила в обширном кабинете и привычно принюхалась. Пахло исключительно хорошим парфюмом. Вокруг,

бескрайним морем на всех плоских поверхностях, лежали книжки. Обложки отсвечивали в свете галогеновых ламп так, что становилось больно глазам: мужчины в бронежилетах, мужчины с пистолетами, мужчины в костюмах. Рядом стояли, прижимаясь к ним бюстами немыслимых размеров, блондинки, блондинки, блондинки.

Сердце мое упало – я представила свою книжку, однажды изданную, и сразу же затерявшуюся в море-окияне «мужской и остросюжетной».

А я-то думала, что роман поможет обратить на мою историю внимание продюсеров!

Девичьи грезы!

Взгляд мой блуждал от стола к столу, от одного мачо к другому.

– Вы нас слышите, Дарья? – вернул меня к беседе начальник отдела.

Тут, очевидно, стоит рассказать о двух встретивших меня работниках издательского труда.

Ибо они были прекрасны в тандеме.

Один из них – высокий красавец, пепельные волосы лежат романтической волной. Почти Ленский, но с онегинским именем. Поэт. Второй, постарше, с военной выправкой, воплощал в этой слаженной паре прозу. Его я про себя сразу окрестила «Спецкором». Именно он говорил с выражением о том, как важно молодому автору найти свою стезю, как непросто выжить в бушующем мире книжного бизнеса, какую ответственность берет на себя издательство, издавая никому не известного…

– Я – сценарист, – прервала я Спецкора.

Повисла пауза, и я поторопилась пояснить:

– Когда продюсер принимает в работу сценарий, он берет на себя несоизмеримо большую в материальном плане ответственность, так что…

Они переглянулись.

Что-то пошло не так. «Молодой автор» повел себя, кхм… Нетипично. Наработанная система беседы дала сбой. Отточенный текст пропал всуе.

– Чего вы хотите? – спросил меня, наконец, Ленский.

– Какой у вас рекламный бюджет? – ответила я вопросом на вопрос.

Вопросом, который мучил меня все последние полчаса – с тех пор, как я вошла в кабинет и потонула взглядом в остросюжетной мужской прозе.

Ленский кашлянул и назвал сумму.

Я наконец-то оторвала взгляд от мускулистых мачо на

обложках и уставилась на завотделом. Не нужно было иметь моего опыта в рекламе, чтобы понять: сумма смехотворная. Похоронные деньги для моей будущей книжки.

– Я могу что-нибудь сделать, чтобы изменить эту сумму в сторону повышения?

Ленский смотрел на меня с явным любопытством: странноватый «начинающий автор» вздумал торговаться.

Но ответил:

– Вам нужно написать еще один роман. Тогда речь пойдет уже о совсем других суммах. Будет реклама в метро, в Интернете и в местах продаж – в книжных магазинах.

– Хорошо, – сказала я, вставая. – Я напишу вторую книжку.

Выходя из издательства, я ругала себя последними словами: кто тебя за язык-то тянул?! Но после увиденного в отделе «мужской остросюжетной» я не могла лишить свой роман рекламной поддержки. Это было мое дитя, и если «Небесному Иерусалиму» нужна путевка в жизнь – так что ж! Я сделаю для него все, что смогу.

Именно это я изложила, не без патетики, своему московскому приятелю В. – он, добрый самаритянин, притащил меня на балет в Большой театр. Отойти, так сказать, заскорузлой после киношных трудодней, глядя на прекрасное.

– Эротические сцены есть? – лениво процедил В. в ответ, и я уставилась на него, мигом растеряв всю патетику.

– Чего? – спросила я грубовато, еще не успев пообтесаться в театральном фойе средь чистой публики.

– Мужская проза. Значит, в какой-то момент должна быть эротическая сцена. И в романе один, и в романе два. Да позаористей! У тебя имеется?

Я покачала головой: он был, конечно, прав.

Многочисленные блондинки на глянцевых обложках «мужской остросюжетной» мне на это недвусмысленно намекали. Я закручинилась: это в сценаристике «эротическое» можно было отдать на откуп режиссеру с оператором, озорным ребятам с яркой половой жизнью.

Но роман…

Роман предполагал мою полную вовлеченность в процесс. «А ты думала, бедная крошка, что самое тяжелое – описание пейзажей?» – спросил меня, хихикнув, мерзкий внутренний голос.

Забегая вперед, признаюсь. Я сделала это.

Две эротические сцены, по одной на роман.

Для начала я заново проштудировала всю наличествующую литературу с эротическим уклоном: от «Темных аллей» и

«Лолиты» до «Волхва» Фаулза. Затем пролистала творения коллег-детективщиц, вполне себе бодро ваяющих описания бешеной страсти.

Однако «эротическая мысль» упорно не рождалась.

Сдавшись, я начала рассылать трепетные письма бывшим мужчинам и нынешним друзьям, с просьбой подсказать тему и тональность.

«Ну что вам стоит? – жалостливо канючила я. – Какая-нибудь личная история? Что-нибудь вокруг грудей, колен и ягодиц? Вы же все – начитанные парни с высшим образованием и богатым опытом? Ау!»

Из присланных мне ответов можно было бы составить юмористический очерк, попадались даже предложения из серии «давай я тебе лучше покажу». Отклонив последние, я с мрачноватой решимостью придвинула к себе клавиатуру. И да, нет тех крепостей, которых не взяли бы большевики!

Но вернемся в фойе Большого.

– Ну-ну, не дрейфь! Эротика – это ж потом, – кивнул приятель, поняв по моему лицу, что меня необходимо подбодрить. – Когда будешь хотя бы приблизительно знать, что напишешь во втором романе.

Я отмахнулась: что писать во втором романе, я как раз таки знала. Поэтому так легко и согласилась. Ведь у меня уже была история, почти готовая – та самая, «слишком интеллектуальная для массового зрителя», отвергнутая телевизионным каналом. Да, героине было 35, имелись сцены с дедом и ребенком, а также интрига с бывшим мужем, но… Но если можно было превратить в свое время Машу в Анну, значит, и кульбит в обратном направлении тоже вполне реален!

И я засела за работу.

Никаких мук, как в случае с «Иерусалимом», я не испытывала, а шла к своей цели тараном: передо мной был экран компьютера и распечатанный сценарий. Я резала, дополняла, меняла местами, переписывала.

Обычная, банальная работа. Знакомая, «как губам – имя собственного ребенка».

Через пять месяцев, я послала в издательство готовую рукопись.

Вскоре пришла рецензия: «Рукопись читабельна, с неплохой картинкой. Текст в целом динамичный, увлекательность присутствует».

Я зависла над мейлом: э?!

«Увлекательность присутствует»? «В целом динамичный»?

Это комплименты или завуалированный способ попрощаться с очередным графоманом?

«Поздравляю с прекрасной рецензией!» – начинался мейл Н. (ныне уже моего официального литагента), пришедший двумя часами позже.

Наверное, все-таки комплименты, сказала себе я.

Занятно, насколько иначе делаются дела в сценаристике – мне приходилось получать восторженные письма, полные прилагательных в превосходных степенях «гениально, Дарья, ге-ни-аль-но!», и заканчивающихся: «К сожалению, принять сценарий к производству на данный момент не представляется возможным».

А тут, гляди-ка: патрицианская сдержанность, но еще пара недель – и текст уже прочитан «руководством» (интересно, кто это?), а решение об издании – принято.

Об этом завредакцией написал мне ближе к апрелю. Мейл завершался так: «Как вы знаете, название книги поменяется. Мы предлагаем такое: «Предчувствие холода».

А?! «Как я знаю» – что?!

Но позвольте… Ничего я такого не знаю!

Ребята хотят поменять название? Мое прекрасное, звучное, волшебное название – «Небесный Иерусалим»?! На нечто абсолютно абстрактное и не имеющее никакого отношения ни к тексту, ни к интриге? Почему тогда не «Движение с юга» или «Разборки на севере»?!

Примерно эти незатейливые мысли я и попыталась донести до Ленского со Спецкором. В результате многочасовых обсуждений мы пришли к консенсусу: книга будет называться «Призрак Небесного Иерусалима».

– Дарья, вот видите, вы достигли компромисса с издательством. Теперь-то довольны? – сказал мне мой многомудрый литагент – человек необыкновенного терпения и такта.

Я хмыкнула: довольна я была бы, если б книжка сохранила свое первоначальное название.

Но я и не подозревала, что ждет меня впереди: бои велись одновременно на нескольких фронтах. Обложка книги, редактура (следовало выкинуть все милые моему сердцу «мелодраматические» вставки), название авторской серии…

Мне и самой была смешна моя глупая принципиальность. Богатое воображение с легкостью позволяло представить лица Спецкора и Ленского, когда они видели в ящике очередное письмо от девицы из Брюсселя: бедные, бедные! Я понимала, что веду себя как истеричная барынька: будто и не закалялась годами

сталь в общении с продюсерами и редакторами федеральных каналов.

Впрочем, как оказалось, между редакторами телеконтента и редакторами издательства существовала общность взгляда по одному пункту.

Из письма Спецкора: «Дорогая Дарья! Очень приятно, что вы стараетесь внести посильный вклад в разработку художественного оформления своих будущих книг (перевод: «Как же вы нас уже достали!»). Мы это приветствуем, как приветствуем любые свежие идеи, проникающие внутрь нашего тяжеловесного, утомленного сотнями проектов креатива. (Боже, благослови его такт!) Но название серии «Зона для умных» – опасная маркетинговая ошибка. Эдак мы с вами вообще без покупателя останемся. Слово «интеллектуальный» не должно встречаться в принципе. Оно отпугивает потенциального читателя».

Отпугивает? Ну и ладно!

К этому моменту я уже почти полностью утратила чувствительность. Да хоть «Сказки Златовласки» – мне все равно!

Быстро прошло и обсуждение «творческого псевдонима».

– Вы какое фамилиё хотите?

– Мне до лампочки, – вздохнула я. – Обзовите хоть Селедкиной, только давайте уже издадимся!

– Ну зачем же Селедкиной? – удивились в издательстве. – У вас по мужу красивая. Пусть будет.

Пусть!

И вот – контракт подписан и даже получен аванс, и я жду открытия занавеса.

А теперь, пользуясь волшебной силой воображения, переместимся в кабинет Большого Начальства издательства, назовем его БН. Итак, БН сидит за столом, перед ним – график рекламных акций за полгода. И тут он видит странную сумму напротив неизвестной фамилии с претензией на французскость.

– Кто это? – хмурится БН. – Откуда бюджет на рекламу в метро?

– Новый, перспективный автор, – бодро, я надеюсь, отвечает Ленский. – Есть уже два романа.

– Два романа мало, – говорит БН. – Ишь, каждому, кто два романа написал, рекламные площади раздавать! Этак издательство разорится вовсе к чертовой матери! Пусть ваяет еще один. Вот тогда и поглядим.

Именно эту новость принес мне в клюве мой литагент.

Осторожно, явно опасаясь за мое душевное здоровье, он объяснил расклад: либо мы издаем «Иерусалим», как и хотели год назад – вне серии и без рекламной поддержки, либо…

Ну, вы поняли.

Меня охватило «предчувствие холода» одновременно с «предчувствием жара»: яду мне, яду! А точнее – бургундского!

– Буль-буль! – привычно донеслось с кухни.

Но даже этой радости я была теперь лишена – пятый месяц беременности прервал мой возможный алкоголизм на излете.

Бокал предназначался для мужа.

– Я советую вам все же написать третий роман, – с отеческой лаской сказал мне Н. – Ну что такое еще год?

И я не могла с ним не согласиться.

Что такое еще год в этой бесконечной истории?

И еще год. И еще.

Наверное, эту рукопись просто положат со мною в гроб.

– Я рожу, – призналась я. – Я рожу – и мне будет не до романов. Кроме того, как я могу быть уверена, что они выполнят обещание? Вон, Ленский тоже сулил мне небо в алмазах…

– Ленский – не Большое Начальство, – резонно заметил Н. – А Большое Начальство слов на ветер не бросает.

– Нет, – сказала я, поглаживая живот. – Нет, и нет, и нет! Баста! Финита ля комедия!

– Как скажете… – ответил Н. и, попрощавшись, повесил трубку.

– Жалко, – сказал муж, выжимая мне свежий сок. – Столько сил потра…

– Сейчас запущу в тебя соковыжималкой! – пригрозила я. – Алкоголя мне уже нельзя, так что на его благотворное влияние рассчитывать не приходится. На твоем месте я бы исключила эту тему из семейных бесед.

– Ладно, – вздохнул муж. – Пей.

И я пила.

Пила соки и ела, ела, ела. Округляясь одновременно повсюду.

Параллельно этому процессу я заканчивала работу над двумя сериальными проектами. Подразумевалось, что где-то за месяц до «дня Х» я выйду в честный декрет и начну гулять, слушать птиц, нюхать розы и улыбаться блаженной улыбкой, как и положено беременным.

А пока передо мной требовательно светился экран и я продолжала складывать буковки в слова.

И тут мне позвонил сам БН.

Надо сказать, меня заранее предупредили о высоком сеансе связи, и потому в назначенный час я уже сидела перед глазком камеры – кое-как накрашена и причесана, живот скромно спрятан

под стол.

– Я обычно не звоню еще не издававшимся авторам, – взял с места в карьер БН. – Но я тут прочел ваш первый роман: сильная вещь, сильная. Мне понравилась. В вас есть потенциал. Будет жаль спустить его… Сами знаете куда. Так что решайте: напишете третий – будет вам реклама и полный промоушен. Это я вам лично говорю, чтобы не возникало никаких сомнений.

Я промямлила что-то неопределенное.

Беседа наша смахивала на сцену из галантного романа, где опытный царедворец охмуряет невинную пастушку, но «боги, боги мои», как не отреагировать на такой напор?

В конце концов, где я – бедная овечка, а где – совладелец крупнейшего издательства, книжный, понимаешь, магнат?!

Кроме того, беременные женщины так восприимчивы…

Магнат ничего мне не пообещал сверх того, что мне уже было обещано, но этим звонком дал «свежему автору» ощущение собственной исключительности, и я проглотила наживку.

«Уж сколько их упало в эту бездну» – об этом я старалась не задумываться.

Стало ясно, что если не попробую, не добью эту историю, не напишу третий уже по счету роман и сойду с дистанции, когда финишная лента – вот она, такая близкая, уж полощется на ветру, – то никогда себе этого не прощу.

И я ушла в декрет, родила, кормила новорожденного сына в той блаженной взвеси, почти в невесомости, которую могут дать только бесконечное счастье, помноженное на бесконечные же бессонные ночи.

Я не подходила к компьютеру, но много читала, и в полусне, замерев рукой на колыбели сына (доставшейся нам еще от бабки моего мужа – ивовой, плетеной, на деревянных колесиках), продумывала третий роман.

Я заказала себе кучу книг на английском и французском – по истории Фландрии, истории ювелирного дела и по британским кладам. И еще через пару месяцев начала потихоньку писать, уже не вспоминая ни о каких сценариях, а с удовольствием отдаваясь процессу романописания – на сей раз не нервно-рваному, прерывистому, на пределе времени и сил, а ровному и мерному, как движение той самой колыбели.

Так прошло еще полгода.

Тем временем Москва не дремала – большое начальство на том чепуховом основании, что я принадлежу-таки к женскому полу, перевело меня из отдела «мужской остросюжетной» в отдел «женского детектива».

Мальчики из «мужского», уверена, вздохнули с облегчением.

Я же пригорюнилась, успев за эти долгие месяцы с ними сродниться.

Глава же отдела женского детектива внушала мне священный трепет: благодарные авторы посвящали ей романы и целые главы в мемуарах. На литературном детективном Олимпе заседали выведенные ею «в люди» опытные беллетристки с миллионными тиражами. И потому Р. (редактор с большой буквы, сами понимаете) выиграла со мной войну, даже ее не начав.

Что сказать? Настоящий профи.

Пока я сладострастно резала и выбрасывала из двух первых романов все вымученные мной эротические сцены (ведь в отделе «для девочек» эротика не была обязательным условием), Р. подготовила с художником обложку к «Призраку Небесного Иерусалима». И – о, чудо! Там не было ни мужчин в бронежилетах, ни блондинок. Она была именно такой, о какой мне мечталось.

– Вам нравится? – спросила Р.

– Она дивная, дивная, дивная…

– И вот еще, Дарья, по названию серии: мы сошлись на «Интеллектуальном детективном романе». Годится?

* * *

Что добавить мне эпилогом к вышеизложенному?

Что БН. не соврал, и рекламная кампания моих книг действительно заполонила столичный общественный транспорт? Что пара крупных продюсеров боролись за права на производство сериала по моему роману – и вот уже я снова пишу, и снова сценарий, эдакое дежавю, но теперь с той героиней, с которой хочу, со сложной фамилией и характером? Что сериал выйдет на Первом канале? А пока по Москве уже бегают ребята с квестами по «Призраку Небесного Иерусалима», а я в это время сижу в Останкино и даю интервью, тщетно пытаясь сказать что-нибудь умное…

А еще у меня есть читатели – которые меня то хвалят, то ругают на чем свет стоит.

И я, конечно же, верю последним.

«Что за фамилию претенциозную придумали – Дезомбре? Фу!»

«А ничего так, живенько!»

«Ужас, ее, наверное, кто-то продвигает, как такое можно печатать?!»

«Обожаю такие сюжеты: убийства, мистика, загадки прошлого, тайны, о которых знают только избранные! Аж мурашки по коже…»

Ну, и напоследок:

«Алё, гараж! Кое-кто обещал друзьям эротические сцены? Ну и где они?!»